

18+

ЛОЖЬ

напечатанная
курсивом

Глеб Северцев

Глеб Северцев

Ложь, напечатанная курсивом

«Издательские решения»

Северцев Г.

Ложь, напечатанная курсивом / Г. Северцев — «Издательские решения»,

Известный писатель Элиас Фрост публикует роман «Слепое пятно», который мгновенно становится бестселлером. Однако редактор издательства, 35-летняя Вера Невская, замечает странную деталь: курсивные фрагменты текста, если читать их отдельно, складываются в точное описание реального нераскрытого убийства, произошедшего 10 лет назад. А затем убивают и самого писателя. Бывший следователь, ныне частный детектив Максим Штольц, начинает игру с текстом.

© Северцев Г.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Смерть в гранках	6
Глава 2. Правило трёх улик	10
Глава 3. Литературный негр	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ложь, напечатанная курсивом

Глеб Северцев

© Глеб Северцев, 2026

ISBN 978-5-0070-5013-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Смерть в гранках

Петербургская осень нападает внезапно. Ещё вчера дворники сгребали золотые листья в кучи, а сегодня низкое небо давило на шпиль так, что хотелось включить свет среди бела дня. В здании на набережной Фонтанки, где размещалось издательство «Феникс», батареи отопления ещё не запустили, и пальцы редактора Веры Невской коченели даже через шерстяные перчатки без пальцев.

Она сидела в своём кабинете — бывшей кладовке, которую удалось отвоевать под офис три года назад. Стены здесь были выкрашены в бледно-зелёный, цвет усталости, как говорила сама Вера. Единственное окно выходило в колодец двора, и если сильно высунуться, можно было увидеть кусок неба размером с почтовую марку. Но сейчас ей не нужно было небо. Ей нужен был текст.

На столе перед ней лежали гранки — последняя версия романа перед отправкой в печать. Толстая стопка плотной, чуть желтоватой бумаги формата А4, скреплённая пластиковой пружиной. Титульный лист гласил:

Элиас Фрост

«Слепое пятно»

Роман

16+

Вера провела пальцем по фамилии автора. Элиас Фрост. Загадка издательского мира. Ни одной фотографии, ни одного интервью, ни одного публичного выступления. Даже биография в договоре была заполнена скупой: родился, живёт в пригороде, литературных агентов не имеет, все вопросы решает через электронную почту, которая отвечает раз в две недели и всегда с полуночи до трёх утра. В издательстве ходили шутки, что Фрост — это искусственный интеллект, старая графиня или просто коллектив авторов под единым псевдонимом. Но книги продавались. И продавались хорошо.

«Слепое пятно» было пятым романом Фроста. Первые четыре — психологические триллеры без крови, но с тягучей атмосферой — разошлись тиражом под двести тысяч экземпляров. Не Донцова, конечно, но для серьёзной прозы — успех. Главный редактор, Феликс Соломонович Эпштейн, человек с лицом уставшего бульдога, называл Фроста «нашим ответом нордическому нуару».

— Вера, — сказал он, передавая гранки, — этот парень хочет странную вёрстку. Прочти, проверь, чтобы не было крамолы. И обрати внимание на курсив.

— Что с курсивом? — спросила Вера тогда.

Феликс Соломонович только пожал плечами:

— Он требует, чтобы мысли убийцы были напечатаны курсивом. Весь текст убийцы. От первого лица. В печатной версии. Говорит, что это ключевая художественная находка.

Вера не спорила. Находка так находка. Авторы издательства «Феникс» были людьми капризными — один требовал, чтобы все сцены насилия печатали красным, другой настаивал на шрифте с засечками в диалогах женщин. Курсив казался безобидной причудой.

Она начала читать в десять утра, когда в типографию ушёл первый сигнальный экземпляр другой книги. Кофе остыл уже на третьей странице. На пятой Вера отодвинула чашку и больше к ней не возвращалась.

Сюжет «Слепого пятна» был прост, как хороший удар. Молодая женщина приходит к частному детективу с историей о том, что её мужа убили, но полиция считает смерть несчастным случаем. Детектив, циник с разбитым сердцем и пачкой неоплаченных счетов, берётся за дело. По ходу расследования он понимает, что убийца — его бывший напарник, который теперь работает следователем. Главный герой попадает в ловушку: каждый его шаг известен

убийце заранее. Кульминация — подвал заброшенной больницы, где детектив должен выбрать: убить бывшего друга или самому стать жертвой.

Всё это было хорошо написано. Даже очень хорошо. Фрост умел строить предложения так, что они вибрировали, как струна. Он не описывал страх — он заставлял его чувствовать. Например: «Холод в пальцах был таким, словно он держал не пистолет, а кусок зимы». Или: «Тишина в квартире была не отсутствием звуков, а присутствием чего-то, что решило молчать».

Но Вера была редактором. Она не читала книги — она их разбирала на части, как механик разбирает двигатель, чтобы понять, где скрыта неисправность. И когда она дошла до шестой главы, где убийца впервые появлялся в повествовании от первого лица, её палец замер над страницей.

Курсив.

Он выглядел так: *«Я не планировал её убивать. Честно. Она сама сделала первый шаг. Сказала, что не боится меня. Сказала, что мы можем встретиться в парке, у старого дуба, который помнит ещё Екатерину. Я пришёл с ножом, но нож был для себя — на случай, если она меня отвергнет. А она не отвергла. Она улыбнулась. И тогда я понял: нож нужен для неё».*

Вера перечитала абзац три раза. Не потому, что он был страшным. Потому что в нём было что-то знакомое. Не стиль — нет. Фрост всегда писал так. А детали. Старый дуб, который помнит Екатерину. Такой дуб действительно рос в парке Лесотехнической академии. Вера знала это, потому что жила рядом и гуляла там с собакой. Нож для себя — на случай отказа. И улыбка жертвы.

Она пролистала дальше. Курсивные вставки шли через каждые десять-пятнадцать страниц. Иногда длинные — на страницу. Иногда короткие — в две строки. Вера машинально, на автомате, стала выписывать их на отдельный лист. Сначала просто так, чтобы понять структуру.

К седьмой главе у неё было полстраницы текста.

К десятой — две страницы.

К семнадцатой — шесть.

А в конце, когда она свела все фрагменты в один документ, получилось вот что:

«Я убил её 14 августа 2014 года. В четверг. Время — без четверти девять вечера. Она пришла в красном платье, хотя я просил чёрное. Красное — это кровь. Красное — это вызов. Мы сидели на скамейке у того самого дуба. Она смеялась. Смеялась над тем, что я боюсь признаться в любви. Я сказал: „Ты даже не знаешь, кто я“. Она ответила: „А мне всё равно“. И тогда я ударил. Один раз. В живот. Нож вошёл легко, как в масло. Она упала лицом в траву и больше не смеялась. Я ушёл. Никто не видел. Никто не узнает. Я хотел сохранить её улыбку, но сохранил только тишину».

И дальше — перечисление примет. Татуировка на левом запястье: латинская фраза, которую Вера не смогла разобрать. Родинка над губой. Шрам на колене от велосипеда. И последняя строка: *«Её звали Лика. Полное имя — Лидия Сергеевна Мецкерская. Никто не будет искать. Она сама сказала, что никому не нужна».*

Вера откинулась на спинку стула. Её руки дрожали, но не от холода. Лика. Лидия Сергеевна Мецкерская. Это имя она слышала. Точно слышала. Где? Когда?

Память редактора — это файл, разложенный по папкам. Десять лет назад Вера только окончила филфак и работала помощником корректора в маленьком издательстве на Васильевском острове. Она читала местные новости в перерывах между правкой чужих ошибок. И однажды — да, точно — она наткнулась на заметку в газете «Вечерний Петербург», которую брала у коллеги, чтобы завернуть бутерброд. Короткая заметка, даже не новость, а так — заполнение места. «Пропала девушка. Приметы: татуировка на левом запястье. Рост сто шестьдесят пять. Волосы русые. Особые приметы: шрам на колене». Имя — Лидия Мецкерская. И фотография: улыбающаяся девушка с ямочками на щеках, в чёрной водолазке.

Полиция искала её три недели. Потом месяц. Потом объявила, что, скорее всего, уехала в другой город. Дело закрыли «за отсутствием состава преступления», то есть даже не заводили по-настоящему. Потому что тело не нашли. Потому что свидетелей не было. Потому что она сама — как писала газета — была «девушкой лёгкого поведения», хотя никаких доказательств этому не приводилось.

Вера открыла ноутбук. Экран моргнул от перехода из спящего режима. Она ввела в поиск: «Мещерская Лидия пропала 2014». Результатов было три. Один — та самая заметка, оцифрованная архивом газеты. Второй — тема на форуме, где обсуждали нераскрытые исчезновения, с комментарием: «Никто её не искал, потому что у неё не было денег». Третий — страница «ВКонтакте» (устаревшее название соцсети), замороженная десять лет назад, с последним постом за два дня до исчезновения: «Сегодня вечером важная встреча. Страшно, но нужно. Если что, я в парке».

Парк. Старый дуб. Четверг, без четверти девять. Красное платье.

Вера закрыла ноутбук, потом открыла снова. Она сняла очки, протёрла стёкла, хотя они были чистыми. Она сделала глоток остывшего кофе и поморщилась — горькая жижа, похожая на лекарство.

— Этого не может быть, — сказала она вслух пустому кабинету.

Но папка с гранками лежала на столе. И курсивные фрагменты, собранные воедино, читались как дневник убийцы. Убийцы, который описал реальное исчезновение реальной девушки с деталями, которые не были нигде опубликованы.

Вера набрала номер Феликса Соломоновича. Гудки шли, шли, потом включилась голосовая почта. Она сбросила. Набрала снова. Сбросила. Написала сообщение: «Срочно. Приезжайте. У меня проблемы с гранками Фроста».

Ответ пришёл через три минуты: «Завтра в десять».

Вера посмотрела на часы. Сейчас было три часа дня. Ждать до завтра — восемнадцать часов. За восемнадцать часов можно сойти с ума. Можно перечитать текст ещё раз и убедиться, что ты ошиблась. А можно — сделать то, что она сделала.

Она открыла поисковик и ввела слова, которые показались ей странными ещё минуту назад: «частный детектив Петербург». Потому что полиция десять лет назад не нашла ничего. Потому что Фрост написал книгу, которая идеально описывала убийство. Потому что единственный человек, который мог ответить на вопросы, — это сам Фрост. А он не брал трубку и жил там, куда не доезжало такси.

Пальцы замерли над клавиатурой. Вера сняла перчатки. Подумала. Нажала «поиск».

Выпало несколько десятков ссылок. Частные охранные агентства, детективные бюро с пафосными названиями «Щит», «Гарант», «Безопасный город». Один детектив предлагал «услуги по возврату долгов и сбору компромата». Другой — «слежку за неверными супругами». Третья страница поиска, четвёртая.

А потом Вера увидела объявление, набранное старомодным шрифтом «Таймс Нью Роман», без картинок, без анимации, просто текст на сером фоне:

«Правило трёх. Частное детективное агентство. Берусь за дела, закрытые полицией, при наличии трёх независимых доказательств. Не беру: семейные ссоры, возврат долгов, поиск пропавших животных. Работаю по предоплате. Конфиденциальность гарантирую. Телефон для связи...»

Имя — Максим Штольц.

Вера долго смотрела на экран. Три независимых доказательства. У неё было: первое — текст курсива, содержащий детали. Второе — старая заметка в газете с приметами Лики. Третье — ну хотя бы то, что Вера сама видела татуировку на фотографии, которая совпадала с описанием из курсива.

Три доказательства. Правило соблюдено.

Она набрала номер.

Трубку подняли на пятом гудке. Голос был низкий, с хрипотцой, как у человека, который только что проснулся или очень давно не спал:

— Штольц слушает.

— Здравствуйте. Меня зовут Вера Невская. Я редактор издательства «Феникс». Мне кажется, я нашла описание реального убийства в литературном романе.

Пауза. Долгая. Вера уже подумала, что связь прервалась.

— Когда встречаемся? — спросил Штольц.

Вера посмотрела в окно. В колодце двора было темно, хотя на часах только четыре. Она вдруг отчётливо поняла, что сейчас, в эту самую минуту, она переступает черту. Не просто работу редактора — а что-то большее. Ту грань, за которой заканчивается чтение и начинается жизнь.

— Завтра, — сказала она. — Утром. Я привезу гранки.

— Хорошо, — ответил Штольц и продиктовал адрес: центр, доходный дом начала двадцатого века, квартира на мансардном этаже.

Вера записала адрес на полях гранок, поверх типографской разметки. Поставила часы. Кофе вылила в раковину. Собрала бумаги в папку, а папку — в рюкзак.

Выходя из кабинета, она столкнулась в коридоре с Леной, коллегой-редактором, которая курировала любовные романы.

— Ты чего такая бледная? — спросила Лена, жуя яблоко. — Опять авторы дедлайн сорвали?

— Хуже, — ответила Вера.

— Что может быть хуже?

Вера хотела сказать: «Я, кажется, нашла настоящего убийцу, который описал своё преступление в книге, и теперь не знаю, звонить в полицию или бежать к частному детективу, который, возможно, сам окажется психопатом». Но она лишь покачала головой и выдавила улыбку:

— Ничего. Устала. Осень.

Лена пожалала плечами и ушла. А Вера осталась стоять в коридоре, прижимая к груди папку с гранками. Внутри папки лежал убийца. Не человек — текст. Текст, который жил своей жизнью и требовал, чтобы его прочитали правильно.

Она вышла на улицу. Небо опустилось ещё ниже. Мелкий дождь, похожий на сито, сеял воду на гранит, на листву, на головы прохожих.

Вера подняла воротник пальто и пошла к метро. На полпути она остановилась, достала телефон и перечитала записку о пропавшей Лике. Фотография улыбающейся девушки. Татуировка на левом запястье, которую почти не видно. И слова: «Никто не будет искать».

— Будут, — прошептала Вера в мокрый воздух. — Теперь будут.

В этот момент в её сумке завибрировал телефон. СМС от неизвестного номера: «Не читайте курсив отдельно. Это опасно».

Она замерла. Номер не был сохранён в контактной книге. Она набрала ответ: «Кто это?». Тишина.

Она позвонила по этому номеру. Механический голос сказал: «Абонент временно недоступен».

Вера подняла голову. Дождь усилился. Где-то над крышами пролетела чайка — одинокая, белая, похожая на клочок бумаги, вырванный из книги.

Она убрала телефон и пошла дальше. Но теперь в её шагах была не усталость, а решимость. Потому что тот, кто прислал сообщение, знал, что она собирается делать. Знал — и испугался. А если кто-то боится правды, значит, правда существует.

Глава 2. Правило трёх улик

Доходный дом купца Елисеева на набережной Фонтанки помнил ещё набережные гранитные, лошадиные извозчики и те времена, когда слово «мансарда» означало не элитное жильё, а каморку для прислуги. Лифта здесь не было. Вера насчитала девяносто три ступени от парадного входа до двери с табличкой «Правило трёх. Частное детективное агентство». Табличка была медная, старая, с потёками, но буквы вычищены до блеска.

Она постучала. Никто не ответил. Постучала ещё раз — громче. За дверью послышалось шарканье, потом глухое ругательство, потом щёлкнул замок.

Максим Штольц оказался не похож на детективов из фильмов. Ни плаща, ни шляпы, ни торчащего из кобуры пистолета. Вместо этого — серая фланелевая рубашка с закатанными рукавами, старые джинсы, тапки на босу ногу и лицо человека, который только что проснулся, хотя на часах было половина одиннадцатого утра.

— Вы Вера? — спросил он хрипло.

— Да.

— Входите. Только тапки не снимайте, у меня пол ледяной. Я вчера батарею прорвал, теперь греюсь электричеством.

Он пропустил её внутрь и закрыл дверь на два замка. Вера огляделась. Квартира была странной — не жилой и не офисной. В большой комнате с косым потолком стояли два рабочих стола, заваленных бумагами. Третий стол, поменьше, был сервирован под кухню: электрический чайник, пачка овсяного печенья, банка растворимого кофе и неизбежная для Петербурга бутылка коньяка, припорошенная пылью. Стены от пола до потолка были заняты стеллажами с папками. На каждой папке — год и номер дела. Самые старые, с 1998 года, пожелтели и выцвели.

— Я думала, у вас будет секретарша, — сказала Вера, чтобы нарушить молчание.

— Секретарша — это роскошь, — ответил Штольц, разливая кипяток по кружкам. — Агентство — это я. Плюс внештатные эксперты, когда нужны. Но они дорогие, так что сначала скажите, о чём речь, а я решу, стоят ли ваши деньги моих нервов.

Он поставил перед Верой кружку с отколотым краем. Кофе был чёрным, крепким и сладким — она не просила сахар, но он добавил.

— Откуда вы знаете, что я люблю сладкий кофе? — спросила Вера.

Штольц сел напротив, закинул ногу на ногу. Тапки оказались с медвежатами.

— Вы редактор. У вас дрожат руки от вечной спешки, и вы носите очки в тонкой оправе, потому что красивые вам не по карману. Такие люди заедают стресс сладким. Пейте, не бойтесь, отравой не торгую.

Вера сделала глоток. Кофе был отвратительным — растворимый, с кислинкой. Но она пила, потому что не хотела показаться слабой.

— Я принесла гранки, — сказала она, доставая из рюкзака толстую пачку.

— Гранки?

— Это финальная вёрстка книги перед печатью. Автор — Элиас Фрост. Роман называется «Слепое пятно». Я редактор, и моя работа — вычитать текст, чтобы не было ошибок. Но вчера я нашла кое-что другое.

Она открыла папку на закладке и протянула Штольцу несколько листов — те самые, где она собрала курсивные фрагменты в единый текст.

— Прочтите.

Штольц надел очки — простые, аптечные, за двадцать рублей. Читал он медленно, шевеля губами. Иногда останавливался, возвращался на строку назад, перечитывал. Вера заме-

тила, как изменилось его лицо. Сначала — любопытство. Потом — недоумение. Потом — что-то похожее на холодный, профессиональный интерес.

Он дочитал последнюю строчку — «Никто не будет искать» — и положил листы на стол. — Это дневник убийцы, — сказал он не вопросом, а утверждением.

— Да. Но это не документальная проза. Это художественный роман. Фрост пишет от лица серийного убийцы. И я проверила — девушка по имени Лидия Мещерская действительно пропала в 2014 году. Все детали совпадают. Парк, дуб, время, приметы.

— Откуда вы знаете детали? Вы же не работали в полиции.

— Я нашла старую газетную заметку. Там было описание — рост, цвет волос, татуировка. Фрост в романе описывает то же самое. Но есть нюанс.

Вера достала из рюкзака ноутбук, открыла закладку с архивной заметкой и развернула экран к Штольцу.

— В заметке написано, что Лика была в чёрной водолазке. А в романе Фрост пишет про красное платье. Это расхождение. Но если предположить, что убийца описывает правду, а полиция ошиблась — потому что свидетелей не было, тело не нашли, родственники дали ложные показания — тогда водолазка может быть тем, во что её одели родители, когда заявляли о пропаже. А платье — тем, в чём она была на самом деле.

Штольц откинулся на спинку стула. Стул жалобно скрипнул.

— Вы хорошо думаете для редактора, — сказал он.

— Вы хорошо встречаете клиентов для детектива, — парировала Вера.

Он усмехнулся. Первый раз за утро. Усмешка вышла кривой, но не злой.

— Ладно. Давайте по порядку. У меня есть правило, которое написано на сайте. Три независимых доказательства, и я берусь за дело. Что у вас есть?

Вера вытащила из рюкзака три листа — распечатки и заметки, которые готовила всю ночь, лёжа без сна в своей маленькой квартире на проспекте Просвещения, слушая, как за окном воет ветер и шумят колёса электричек.

— Первое, — сказала она, кладя лист на стол. — Текст курсива. Он содержит детали, которые не могли быть известны постороннему человеку. Например, про татуировку на левом запястье. В газете об этом не писали — только «татуировка», без расшифровки. В полицейском отчёте, который я запросила сегодня утром через знакомого журналиста, — она подчеркнула слово «сегодня», чтобы Штольц понял, что она не спала не зря, — там написано: «на левом запястье татуировка в виде латинской надписи». А в курсиве Фроста — полная фраза: «Veritas cursu». Правда курсивом.

Штольц взял ручку, записал на салфетке латинскую фразу.

— Второе, — продолжила Вера. — Место. Парк Лесотехнической академии. Старый дуб, который помнит ещё Екатерину. Я проверила по архивным картам. Там действительно есть дуб, посаженный в 1796 году по указу императрицы. Это не публичная информация. Даже на сайте парка об этом не написано — только в дендрологическом каталоге, который хранится в научной библиотеке. Фрост не ботаник. Откуда он узнал?

— Третье? — спросил Штольц, и в его голосе уже не было утренней хрипоты.

— Третье самое странное, — сказала Вера. Она достала последний лист и положила его на стол. — Вчера вечером, когда я ушла из издательства, мне пришло сообщение. С неизвестного номера. Текст: «Не читайте курсив отдельно. Это опасно». Я попробовала перезвонить — номер заблокирован. Я проверила через сервис поиска номеров — сим-карта зарегистрирована на подставное лицо, которое умерло три года назад.

Штольц взял телефон, в котором Вера открыла сообщение. Он долго смотрел на экран, потом вернул.

— Кто знал, что вы читаете курсив отдельно?

— Никто. Я сама это сделала случайно. Даже главный редактор не в курсе. Я ему только написала, что есть проблемы с гранками, но не уточнила, какие именно.

— Тогда тот, кто отправил сообщение, следит за вами, — сказал Штольц спокойно, как будто сообщал, что на улице дождь. — Он знал, что вы собрали курсив, и испугался. А если испугался, значит, вы правы. Курсив — это не художественный приём.

Вера почувствовала, как внутри неё что-то оборвалось. Она ждала, что детектив скажет: «Вы всё выдумали, идите домой, пейте ромашковый чай». Но он сказал то, что она боялась услышать.

— Вы берётесь за дело? — спросила она.

Штольц встал, подошёл к стеллажу и вытащил пустую папку. На корешке он написал фломастером: «Фrost / Мещерская / 2024».

— Берусь, — сказал он. — Но с условиями.

— Какими?

— Первое. Вы работаете со мной как помощник. Не как клиент, который платит и ждёт результата. Вы редактор, вы умеете работать с текстом. Мне нужен человек, который будет читать между строк. Второе. Никому не говорить об этом расследовании. Ни мужу, если он есть. Ни подругам. Ни полиции — пока у нас не будет весомых доказательств. Третье. Если мы найдём убийцу, вы не будете играть в героиню. Вы звоните мне, и я разбираюсь сам.

— У меня нет мужа, — сказала Вера.

— Это упрощает дело.

Они сидели в тишине. В окно мансарды стучали капли дождя. Где-то внизу, на набережной, сигналила машина — долго, настойчиво, как будто торопила кого-то.

— Есть ещё кое-что, — сказала Вера. — Я сегодня утром, перед тем как ехать к вам, попробовала найти Элиаса Фроста. У нас в издательстве есть его адрес — юридический, для отправки договоров. Это поселок Лисий Нос, старый дачный массив. Дом стоит на отшибе, прямо у залива. Я позвонила по телефону, который он оставил для срочной связи. Трубку взял мужчина, сказал, что Фрост умер.

Штольц перестал писать.

— Когда?

— Вчера ночью. Тело нашли сегодня утром. Он упал с лестницы в собственном доме. Или его столкнули. Якобы несчастный случай.

Она посмотрела Штольцу в глаза. Его лицо стало чужим — не уставшим, не насмешливым, а собранным, как перед прыжком.

— Вас это не удивляет? — спросила Вера.

— Нет, — ответил Штольц. — Меня удивляет, что он не умер раньше. Если кто-то написал книгу, в которой описал реальное убийство, его авторский срок годности — до выхода тиража. После выхода тиража он становится опасным свидетелем.

Он встал, подошёл к вешалке и снял куртку — старую, кожаную, потёртую на локтях.

— Поехали в Лисий Нос, — сказал он. — Хочу посмотреть на лестницу, с которой упал Фрост.

— Нас не пустят. Там полиция.

— Полиция работает до обеда, — ответил Штольц, застёгивая «молнию». — Я работаю двадцать четыре часа. Едем. По дороге расскажете всё, что знаете о жизни Фроста.

Вера собрала бумаги, засунула их в рюкзак. Встала. Голова кружилась от недосыпа и кофе.

— А вы, — спросила она, — откуда знаете, как работает полиция?

Штольц надел кепку — серую, невзрачную, из тех, что носят рыбаки. Поправил воротник.

— Я бывший следователь, — сказал он. — Уволен за излишнюю принципиальность. Поэтому и открыл контору с дурацким названием «Правило трёх». Можете не благодарить.

Они вышли на лестницу. Дверь захлопнулась, замки щёлкнули автоматически. Вера спускалась по девятистам трём ступеням и думала о том, что только что переступила черту, которую наметила вчера. Она уже не просто редактор, нашедшая странность в тексте. Она — сообщница частного детектива, который пахнет растворимым кофе и табаком и носит тапки с медвежатами.

В машине — старой «Логане» бежевого цвета, пахнувшей псиной и бензином — Штольц молчал целых пять минут. Потом включил «дворники», разгоняющие мелкий дождь, и спросил:

— Расскажите про вашу жизнь. Не всю, только то, что относится к делу.

— Я ничего не скрываю, — ответила Вера.

— Все скрывают. Я не прошу рассказывать тайны. Просто поймите: если мы ввязываемся в это дело, то на другой стороне — человек, который убил Лику, убил Фроста и, возможно, убьёт ещё кого-то. Этот человек умеет ждать. Он ждал десять лет, чтобы написать книгу. Или не он написал — неважно. Важно, что он не боится убивать. А вы — вы хрупкая девушка, которая читает детективы и пьёт сладкий кофе.

— Я не хрупкая, — сказала Вера, и её голос прозвучал твёрже, чем она ожидала. — Я одна живу с восемнадцати лет. У меня нет семьи, нет мужа, нет детей. Только работа. И если я не докопаюсь до правды в этом деле, я не смогу смотреть в зеркало. Потому что я читала дневник убийцы и ничего не сделала. Это хуже, чем быть хрупкой.

Штольц бросил на неё быстрый взгляд. Убрал руку с рычага переключения передач.

— Ладно, — сказал он. — Будем работать.

Машина выехала на набережную. Слева, сквозь сетку дождя, чернела вода Фонтанки. Справа проплывали дома с лепниной, колоннами, потрескавшейся штукатуркой — остатки империи, которая уже ничего не значила.

Вера достала из рюкзака распечатку курсива и перечитала последнюю фразу: «Я ушёл. Никто не видел. Никто не узнает».

Но кто-то узнал. Кто-то написал это. И кто-то убил писателя, который решил опубликовать правду.

И теперь они ехали по мокрой дороге в посёлок, где на старом дачном участке лежало тело человека, чьё имя было напечатано на титульном листе, но кто был настоящим автором — никто не знал.

— Штольц, — сказала Вера, когда они проезжали мост через Неву, — а вы верите в совпадения?

— Нет, — ответил он. — Я верю в улики. Совпадения придумали трусы, чтобы оправдать своё бездействие.

Дождь усилился. «Дворники» заскрежетали по стеклу. Фары выхватывали из темноты дорожные знаки, мокрый асфальт и редкие фигуры пешеходов, спешащих домой, в тепло, в безопасность.

Вера смотрела на воду и думала о Лике. О девушке, которая пошла на встречу с убийцей в красном платье. Она не знала, что идёт умирать. Может быть, она шла на свидание. Может быть, шла спасать кого-то. Может быть, просто гуляла и случайно оказалась не в том месте.

Текст курсива не давал ответа на вопрос «почему». Только «как». И это было самое страшное — знать, как убили, но не знать, за что.

Вера перечитала строчку, которую запомнила наизусть: «Я хотел сохранить её улыбку, но сохранил только тишину».

Машина свернула на Приморское шоссе. До Лисьего Носа оставалось двадцать минут. Двадцать минут до тела. Двадцать минут до лестницы, с которой упал единственный человек, знавший правду.

— Штольц, — сказала Вера.

— М?

— А если мы опоздаем? Если полиция уже всё забрала, всё упаковала, и мы ничего не найдём?

Штольц молчал так долго, что Вера уже решила — он не ответит. Но он ответил, когда они проезжали мимо заправки с пустыми колонками:

— Тогда будем искать то, что они не заметили. Полиция ищет улики. А мы будем искать ложь, напечатанную курсивом.

Вера закрыла глаза. В темноте за веками возникла строчка, которую она не читала, но почему-то знала наизусть. Или придумала только что?

«Правда всегда выглядит слишком ровно, чтобы в неё поверили».

Она открыла глаза. Дождь кончился так же внезапно, как начался. В разрыве туч показалось солнце — бледное, осеннее, холодное.

До Лисьего Носа оставалось десять минут.

Глава 3. Литературный негр

Посёлок Лисий Нос встретил их запахом водорослей, сырой древесины и запустения. Дорога от шоссе к заливу шла через сосновый лес, где деревья росли криво, словно их воспитывал злой великан. Дачи здесь были старые — дореволюционные, с башенками и резными наличниками, и новые, стеклянные, похожие на аквариумы. Дом Фроста стоял на самом краю, почти у воды.

Штольц припарковался за пятьдесят метров до калитки, чтобы не привлекать внимания. Дом был двухэтажным, деревянным, выкрашенным в тёмно-серый цвет, сливающийся с небом. Окна первого этажа заколочены фанерой. Окна второго — зияли чёрными провалами. Внутри горел свет — тусклый, жёлтый, как свеча в тыкве.

— Полиция уехала, — сказал Штольц, разглядывая двор в бинокль. — Машин нет. Ограждение снято. Либо они закончили, либо им плевать.

— Как плевать?

— Дело об убийстве всегда громкое, когда убит миллионер или чиновник. А тут писатель. Да ещё и затворник, которого никто не знает в лицо. Для полиции это несчастный случай. Падение с лестницы — смерть от бытовой травмы. Через три дня забудут.

Они вышли из машины. Ветер дул с залива, холодный, солёный, как слёзы. Вера запахнула пальто. Под ногами хрустел гравий — мелкий, острый, насыпанный недавно, чтобы машины не вязли в грязи.

— Идём, — сказал Штольц. — Только тихо. И ничего не трогайте без перчаток.

— У меня нет перчаток.

— Тогда ничего не трогайте вообще.

Калитка оказалась незапертой. Двор был запущен — газетная трава по колено, ржавые качели, куча дров, сложенная у стены дома, и старый колодец, заваленный досками. В углу двора — будка, но собаки не было. Или была, но её забрали.

Крыльцо скрипело под ногами. Дверь в дом была приоткрыта. Штольц толкнул её плечом, и они вошли внутрь.

Запах. Первое, что почувствовала Вера — запах старого дерева, табака и ещё чего-то сладкого, приторного, похожего на цветы. В прихожей было темно. Штольц включил фонарик на телефоне и осветил стены. Они были увешаны фотографиями — не людей, а деревьев. Стволы, ветки, корни. Чёрно-белые, в рамках под стеклом.

— Он был дендрофилом? — спросила Вера шёпотом.

— Не знаю такого слова.

— Любитель деревьев.

— Возможно. Или просто прятал лица за стволами.

Они прошли в гостиную. Большая комната с низким потолком и печью в углу. В центре — письменный стол, заваленный бумагами. На столе — пепельница, полная окурков, чашка с засохшим кофе, несколько книг в твёрдых переплётах и пишущая машинка. Старая, механическая, марки «Москва», выпуск пятидесятых годов.

Штольц подошёл к столу, наклонился, рассмотрел машинку.

— Здесь недавно печатали, — сказал он. — Бумага в валике ещё свежая. Он писал до самой смерти.

Вера подошла ближе. В машинке был зажат лист — половина страницы, набранная обычным шрифтом, без курсива. Текст был обрывистым, как телеграмма:

«...не могу больше скрывать. Если они узнают, что курсив — не я, а она, то убьют и её. Надо уничтожить гранки. Но поздно. Тираж уже в печати. Единственный выход — признаться. Но кому? Полиция не поверит. Журналисты...»

Фраза обрывалась. Дальше — только клавиши, нажатые впустую: ряд букв «йцукен», потом пустота.

— Он не допечатал, — сказала Вера. — Кто-то прервал его.

— Или он сам вскочил, услышав шум, побежал к лестнице и упал, — добавил Штольц. — Вопрос: что он услышал?

Он осветил фонариком пол вокруг стола. Ничего особенного — пыль, крошки от печенья, несколько опавших канцелярских скрепок. Но у ножки стола — тёмное пятно.

— Это кровь? — спросила Вера.

Штольц присел на корточки, провёл пальцем по пятну (без перчаток — видимо, забыл о своём же правиле), понюхал.

— Кофе, — сказал он. — Пролили, но не вытерли. Значит, Фрост был один, когда это случилось. Не стал убирать, потому что писал. Или потому, что кто-то пришёл и отвлёк.

— Лестница где?

— В конце коридора. Идём.

Коридор был длинным, узким, с тремя дверями по правой стороне — видимо, спальни. Стены здесь были голыми, без фотографий, но на одной из них — прямо напротив лестницы — висело зеркало в тяжёлой дубовой раме. Зеркало было мутным, с пятнами, похожими на оспины.

— Смотрите, — сказал Штольц, останавливаясь.

Он направил фонарик на зеркало. В отражении было видно начало лестницы — широкие ступени, перила из кованого железа, и тёмный пролёт вниз.

— Он мог видеть, кто поднимается, ещё до того, как тот войдёт в коридор, — сказал Штольц. — Если, конечно, в доме был свет.

— А был?

Они прошли к лестнице. Ступени были деревянными, старыми, с потёртостями посередине. На третьей ступени снизу — тёмное пятно, побольше, чем пятно кофе на столе.

Штольц достал из кармана куртки маленькую лупу, присел.

— Кровь, — сказал он уверенно. — Засохшая. И след от подошвы. Кто-то наступил в кровь, потом пошёл дальше.

— Но полиция же должна была это заметить!

— Полиция заметила. Но если они решили, что несчастный случай, то кровь на лестнице — это следствие падения. Ударился головой о ступеньку, кровь, потом съехал вниз. Всё логично. Нелогично другое.

Он поднял голову, посветил на перила. На кованом железе, на высоте примерно метра от пола, была чёткая вмятина.

— Видите? — спросил он. — Перила прогнулись. Это не от падения. Падающий человек ударяется о ступени, а не сгибает железо. Железо гнётся от рывка. Кто-то схватился за перила, чтобы не упасть — или чтобы удержать другого.

Вера почувствовала тошноту. Не от страха — от понимания. Элиас Фрост не упал. Его столкнули. Или он прыгнул, спасаясь от кого-то.

— Нам нужно уходить, — сказала она. — Если полиция вернётся...

— Успеем, — ответил Штольц. — Но сначала — спальня.

Он развернулся и пошёл обратно по коридору, открывая одну дверь за другой. Первая комната — пустая, с голыми стенами и матрасом на полу. Вторая — библиотека: стеллажи до потолка, книги в кожаных переплётах, запах пыли и времени. Третья — рабочий кабинет.

Кабинет Фроста был маленьким, метров двенадцать. Здесь не было пишущей машинки — только компьютер. Старый, громоздкий монитор, системный блок на полу, клавиатура, засыпанная хлебными крошками. На стене — распечатка, приколотая кнопками. Большая

схема, похожая на генеалогическое древо, но вместо фамилий — буквы. Буквы, складывающиеся в слова. Вера насчитала семь имён. Седьмое — Лика.

— Это его роман, — сказала она. — Схема персонажей.

— Нет, — ответил Штольц, рассматривая схему в лупу. — Это схема реальных людей. Смотрите.

Он показал пальцем на верхнюю строчку: «Фрост — псевдоним — настоящее имя неизвестно». Ниже стрелка к «Ложкин Д. — литературный негр». Ниже — ещё стрелка к «Мещерская Л. — прототип». И справа — отдельно, обведённое красным — »????? — истинный автор курсива».

— У Фроста был соавтор, — сказал Штольц. — Человек, который писал за него. Литературный негр. Фрост только редактировал и подписывался.

— Откуда вы знаете?

— Из этой схемы. Ложкин Д. — Даниил Ложкин. Я такое имя слышал. Года три назад был скандал в литературной тусовке — молодой филолог утверждал, что известный писатель украл его рукопись. Потом парень исчез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.